

Г.В. Любимова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: terra-gl@mail.ru

У истоков русской сибирской этнографии (штрихи к научному портрету А.А. Макаренко)

На основе анализа сочинений и опубликованных фрагментов полевых дневников Алексея Алексеевича Макаренко рассматривается траектория профессионального становления ученого, определившая его место в истории отечественного народоведения и роль в развитии русской сибирской этнографии. Дана характеристика типичного для той эпохи творческого пути исследователя, вехами которого были участие в деятельности революционеров-народников и политическая ссылка в Восточную Сибирь. Отмечены различия между российским народоведческим дискурсом позднеимперского периода и сложившимся к тому времени европейским колониальным дискурсом. С учетом концепции Александра Эткина о «внутренней колонизации» России показаны особенности производства знаний о народах Российской империи в конце XIX – начале XX в., связанные с действием такой группы акторов, как разночинная интеллигенция, ярким представителем которой был Макаренко. Выявлено значение таких факторов, как длительное проживание среди локальных групп сибирского населения и деятельное участие в их жизни, для формирования взглядов Макаренко на проблемы «осибириячивания» русских старожилов и «русификации» сибирских инородцев. Раскрыты причины духовного кризиса автора после его экспедиционных поездок в бассейн р. Катанги (Подкаменной Тунгуски), предпринятых для сбора материалов по этнографии эвенков. Затрагивается вопрос о профессиональной идентификации самого этнографа, практически никогда не подчеркивавшего своего украинского происхождения. Делается вывод, что относительно коренного сибирского населения Макаренко придерживался концепции «имперского многообразия», тогда как в отношении славянского населения Сибири скорее всего разделял идеи его «унификации и русификации».

Ключевые слова: колониальный дискурс, российское народоведение, позднеимперский период, профессиональное становление ученого-этнографа, Алексей Макаренко, русские сибиряки-старожилы.

G.V. Lyubimova

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: terra-gl@mail.ru

At the Origins of Russian Siberian Ethnography (Some Points to the Scholarly Portrait of A.A. Makarenko)

Using Alexey Makarenko's writings and published fragments of field diaries, this article examines his scholarly path which determined his role in the history of Russian ethnology as a founder of Russian Siberian ethnography. The scholar's biography, typical of his time, is described, including his participation in revolutionary activities and political exile to Eastern Siberia. Differences between Russian ethnological discourse of the Late Imperial period and colonial discourse which was common in European ethnology are mentioned. Considering the concept of "internal colonization" of Russia, proposed by Alexander Etkind, specific aspects of knowledge production related to the peoples of the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries are shown. This process was associated with activities of intelligentsia whose prominent representative was A. Makarenko. His prolonged residence among local groups of Siberian population and active involvement in their lives influenced Makarenko's views on "Siberization" of Russian old-timers and "Russification" of Siberian indigenous people. The causes of A. Makarenko's spiritual crisis after his expeditions to the Katanga River basin (Podkamennaya Tunguska) for collecting information on ethnography of the Evenks as well as A. Makarenko's self-

identification, who almost never mentioned his Ukrainian origins, are discussed. It is concluded that in relation to the indigenous Siberian population, Makarenko adhered to the concept of "Imperial diversity," while in relation to the Slavic population of Siberia he shared the ideas of its "unification / Russification."

Keywords: *colonial discourse, Russian ethnology, Late Imperial period, professional development of ethnographer, Alexey Makarenko, Russian Siberian old-timers.*

Стоявший у истоков русской сибирской этнографии Алексей Макаренко прошел типичный для своего времени путь в науку о народах России. Вехами этого пути были революционная деятельность и политическая ссылка, включавшая «продолжительный период вынужденного пребывания» в крае в качестве «невольника» [Макаренко, 1913, с. V]. Подобная траектория профессионального становления, как сказано в одном из посвященных ему очерков, была «свойственна, кажется, исключительно русской науке» конца XIX – начала XX в. [Иванова, 2015, с. 247].

Причины отмеченной специфики, как представляется, были связаны с особенностями производства знаний о народах Российской империи. На этапе ее масштабной модернизации эти особенности, считает А.Б. Панченко, определялись наличием не двух, а как минимум трех групп акторов [Панченко, 2018, с. 122]. Если в европейской этнологии сложившийся к тому времени колониальный дискурс предполагал, что исследователь выступает как агент власти по отношению к изучаемым народам («белый европеец изучает туземное общество за пределами своего мира») [Арзютов, Кан, 2013, с. 46], то в российском народоведении сложилась несколько иная ситуация, выводящая ее за пределы «чистого ориентализма». С учетом концепции Александра Эткинда о «внутренней колонизации» («расширяясь и охватывая огромные пространства, Россия колонизовала свой народ») [Эткин, 2014, с. 9–10; Адоньева, 2019, с. 160], специфику российского народоведческого дискурса современные авторы видят в том, что помимо власти и академической науки в нем действовал еще и третий актор, а именно – интеллигенция, включавшая в себя не только представителей революционного крыла, но и мощный пласт неофициальной этнографии, представленной интеллигентами-разночинцами, не прошедшими системы университетского образования и уже в силу этого не являвшимися представителями академической науки [Панченко, 2018, с. 122–123].

Рассмотрим место, которое занимал Макаренко в российском народоведении, и его взгляды о «русском старожилом населении Сибири» в контексте народоведческого дискурса России.

Украинский народник, этнограф-революционер Алексей Алексеевич Макаренко родился в 1860 г.

в Харькове, в семье чиновника. Будучи седьмым ребенком в семье и рано лишившись матери, Макаренко испытал на себе все тяготы безнадзорного детства. По некоторым данным, он не смог получить не только высшего, но и среднего образования, так и не закончив Харьковского реального училища. Подлинным интеллигентом его, без сомнения, сделало самообразование [Политическая каторга..., 1934, с. 380; Иванова, 2015, с. 248–249; Федорова, 2014, с. 114].

Познакомившись с идеями народников, Макаренко погрузился в водоворот революционной борьбы. Сочетавший в себе «черты и рабочего, и интеллигента», Макаренко занимался пропагандой революционных идей не только в рабочей, но и в крестьянской среде (в т.ч., в Тамбовской и Полтавской губ.). Его первый арест в 1881 г. был связан с распространением нелегальных изданий, которые печатались в подпольной типографии. После второго ареста он был выслан в 1886 г. в Восточную Сибирь [Иванова, 2015, с. 249, 250].

Оказавшись в ссылке, многие революционеры-народники рано или поздно обращались к изучению сибирских народов. По словам участника польского освободительного движения Феликса Кона, отбывавшего ссылку в Якутии, вначале ему с товарищами казалось, что они, «оторванные от живой жизни <...> погребены заживо», а между тем, рядом с ними «была жизнь <...> своеобразная <...> но тоже подлинная». Помочь местным беднякам «отстоять <...> права, какими они по закону обладали!» – таков был первый побудительный мотив многих ссыльных, пытавшихся выйти из замкнутого круга, в котором они оказались. Но, чтобы помогать, нужно было детально изучить жизнь местного населения, понять его нужды и стремления. К тому же стационарный метод работы, добавляет С.А. Токарев, имел неоспоримые преимущества по сравнению с методом кратковременных экспедиций, поскольку «ссылльные революционеры, стремившиеся <...> оказать практическую помощь туземному населению <...> лучше и глубже могли понять условия его жизни, чем приезжие ученые, для которых якуты были только предметом <...> научной любознательности» [Токарев, 1966, с. 378–379]. Таким образом, вся народническая идеология, как пишут Д.В. Арзютов и С.А. Кан, подталкивала политических ссыльных

к изучению быта местного «угнетенного народа» [Арзютов, Кан, 2013, с. 50].

Как и все народники, Макаренко верил, что крестьянская община является исходной точкой социалистического развития, поскольку «торжество высшего принципа имущественных отношений» возможно лишь при условии коллективного владения землей. Оказавшись на поселении в Ачинском у. Енисейской губ. (с. Ужур), он и шестеро его соратников организовали земледельческую общину – «Ужурскую трудовую коммуну» (1887–1893 гг.). Наравне с товарищами Макаренко занимался хлебопашеством, работал на золотых приисках, выступал ходатаем по крестьянским судебным делам. Полученный в общине опыт оказался едва ли не решающим для его дальнейшего профессионального становления. Организация земледельческой коммуны, по его собственным словам, открыла «политическим изгнанникам» «широкий доступ в крестьянскую массу», облегчила «пути взаимного понимания и тесного сближения (с народом)» [Азадовский, 1928, с. 102; Иванова, 2015, с. 250–252]. «Всегда и везде» встречая «самое благожелательное отношение» со стороны не только «сибирского», но и «сибирско-инородческого» населения, он смог получить «полезные и научно-ценные знания» о сибирской народной жизни «в ее реальной, повседневной обстановке» [Макаренко, 1913, с. V; Федорова, 2014, с. 114, 115].

Новые впечатления не смогли изменить «народническую оптику» Макаренко и заслонить от него факты социальной несправедливости. Его по-прежнему продолжали волновать вопросы освободительной борьбы. За участие в протесте против жестокой расправы властей над политическими ссыльными в Якутии (1889 г.) срок пребывания Макаренко в ссылке был увеличен с четырех до семи лет [Иванова, 2015, с. 253]. В 1894 г. за поддержку крестьянских выступлений против увеличения податей («вмешательство в дела крестьянского мира») он был переведен в Енисейский у. Енисейской губ. (с. Казачинское), где оставался до окончания срока ссылки [Федорова, 2014, с. 115].

По возвращении из Сибири Макаренко при содействии Д.А. Клеменца устроился в 1902 г. в этнографический отдел Русского музея, где проработал вплоть до своей кончины в блокадном Ленинграде в 1942 г. Бурные дискуссии, сотрясавшие советскую этнографию на рубеже 1920–1930-х гг., проходили уже без его участия.

География экспедиционных поездок Макаренко, много раз бывавшего в Сибири и после ссылки («по доброй охоте»), охватывает ее восточные регионы – в основном территории Енисейской и Иркутской губ. [Макаренко, 1913, с. IV, V]. Матери-

алы, собранные в этих губерниях, легли в основу «Сибирского народного календаря» (1913 г.) – самой знаменитой и «совершенно исключительной», по словам М.К. Азадовского, работы, равной которой «вообще мало в сибирской этнографии, а в литературе, посвященной русскому населению Сибири, и совсем нет» [Азадовский, 1928, с. 106]. Именно это сочинение стало для современников настоящим открытием многогранной и духовно богатой жизни сибирского крестьянства [Федорова, 2014, с. 115].

Вопрос о степени изученности русского населения в различных регионах Российской империи стоял к началу XX в. достаточно остро. Практически сразу после учреждения Русского Географического общества в качестве одной из важнейших задач отечественного народоведения, как следует из программной речи Н.И. Надеждина («Об этнографическом изучении народности русской», 1846 г.), было заявлено изучение «человека русского» – во всей «совокупности (его) отличительных черт, теней и оттенков». Почти сорок лет спустя о малоисследованных «оттенках и вариациях» «великорусского племени» писал в своей статье А.Н. Пыпин («О задачах русской этнографии», 1885 г.). В числе особых типов «господствующей народности» автор назвал и «сибирский... вариант великорусского народного типа», отделившийся под влиянием природных и исторических условий от «старых корней» и вобравший в себя «целую массу инородческих элементов» [Анучин, 2019, с. 16, 17, 20]. Десятилетием ранее, на материале своих путешествий по Восточной Сибири П. Ровинский представил свою классификацию русского населения края, включавшую несколько групп – потомков «первых вольных поселенцев», «ясачных», «семейских» и «малороссиян». Однако в целом, как отмечал Г.С. Виноградов, «русские этнографы и бытописатели» этого периода «занимаются преимущественно <...> изучением туземного населения; русско-сибирская ветвь славянства пользуется вниманием сравнительно немногих наблюдателей» [Виноградов, 2009, с. 21, 34, 35]. Макаренко, по сути, стал первым, кто поставил научное изучение русских сибиряков на систематическую основу [Федорова, 2014, с. 115].

В отличие от идеологов областничества, считавших сибиряков отдельным от русских народом, вернувшийся из ссылки Макаренко выступил с критикой «культурного сепаратизма». В написанной им совместно с Д.А. Клеменцем рецензии на новый сборник статей о Сибири (1908 г.) подчеркивалось, что «Сибирь <...> (непременно) будет разрабатывать местную жизнь, изучать местную природу (и) <...> брать оригинальные местные темы для соз-

дания искусства, но это будет культура не сибирская, а европейская, нераздельная с общерусской. Стремление отмежеваться от русской культуры будет невозможно» [Миненко, 1993, с. 6].

Не отрицая влияния коренного населения на русских крестьян, Макаренко не рассматривал его как угрозу неизбежной «утраты исконных национальных культурных традиций» [Федорова, 2014, с. 115; Шиловский, 2019, с. 321, 322]. «Осибиряче(ва)ние <...> русских насельников», писал он о жителях Ангарского края, происходит путем незаметного «туземного влияния», когда «старожилые крестьяне» перенимают у «инородцев» образцы построек, технику охоты, способы рыбной ловли, обычаи, традиции, язык и верования. Но, несмотря на дальнейшее сближение с «туземцами» и даже «взаимные брачные союзы», русское население Ангарского края, констатирует автор, «в основных чертах своего духовного и материального быта осталось “руссаками”» [Макаренко, 1913, с. 8–9, 11].

Редкое для Макаренко проявление колониальной риторики можно увидеть в его высказывании о том, что свое господствующее положение в Ангарской долине, как и в Сибири в целом, русские занимают благодаря «расовой устойчивости», «склонности к оседлой жизни» и «в силу покровительства русским законом» [Макаренко, 1913, с. 8]. Вместе с тем, весь опыт его общения с «сибиряками-инородцами» – прежде всего, экспедиции 1907 и 1908 гг. в бассейн р. Катанги (Подкаменной Тунгуски) для сбора материалов по этнографии эвенков – свидетельствует о критическом отношении автора к способам выстраивания экономических отношений и насаждения православия среди тунгусов, с помощью которых русские торговцы «завязывали с ними торжища и спаивали» коренное население. «Чисто русский триумвират кулака, духовенства и полиции, – писал исследователь, – является главным оплотом русификации наших инородцев» (АРЭМ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 131).

Постигшие Макаренко несчастья по завершении экспедиционных поездок на Катангу (потеря при отправке железной дорогой собранных для музея экспонатов, а главное – смерть «горячо любимой дочери – незабвенной дочурки Верочки Макаренко») стали, по всей видимости, причиной глубокого духовного кризиса ученого. Расценивая «эти факты <...> как простое, хотя (и) далеко незаурядное совпадение», он, тем не менее, выражал глубокое сожаление по поводу собственных «святотатственных деяний», которые ему приходилось совершать, разоряя «тунгусские мольбища» и доставляя их останки в музей, поскольку в то время он считал, что «подобные экспонаты будут особенно ценны

в научном отношении и надолго сохранятся как подлинные памятники первобытной духовной культуры» (АРЭМ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 185). Подводя итоги катангских экспедиций, Макаренко, по словам Ю. Клиценко, считал своим «нравственным долгом извиниться перед эвенками за свои действия в интересах науки, которые ошибочно могли восприниматься как неуважение к священным местам и могилам» [Клиценко, 2013, с. 9–12].

Бескомпромиссный к себе, автор был далек от идеализации «сибирско-русского населения». Главным объектом его исследования стали жители обширного Ангарского края, расположенного на юго-востоке Енисейского уезда, в долине р. Ангары. «Русские насельники, – пишет Макаренко, – сравнительно легко завладели естественными богатствами» края, который отличается изобилием гор, болот и дремучих лесов («таежных дебрей»), первоначально находившихся «во владении бурят и тунгусов». Плохое качество земли, суровый климат и ограниченная транспортная доступность стали «серьезным затруднением <...> для всех культурных начинаний (проживающих там) русских» [Макаренко, 1913, с. 8].

Отмечая «до удивления архаичный» характер «нравов и обычаев» жителей края, Макаренко вынужден был признать, что их деятельность «словно заостенела в первичных формах отсталой земледельческой культуры». Ставшая благодаря ему широко известной фраза («Живем в лесу, молимся колесу!») являлась, по мнению ученого, выражением «глубокой иронии и затаенной обиды» ангарцев на «порядки, обрекающие их на умственный застой и невежество». Причины подобной ситуации автор, верный народнической идеологии, видел в тяжелых условиях жизни, продолжительной изолированности местного населения («полуземледельцев-полузвероловов»), а также – в отсутствии «здоровых просветительных начал» и «слабом развитии школьного дела». В то же время считая самих ангарцев «гостеприимными, добродушными (и) любознательными», Макаренко не мог не отметить их «удивительную выносливость и необыкновенную настойчивость <...> по насаждению (в крае) земледельческой культуры» [Макаренко, 1913, с. 11, 12, 18, 19].

Соотношение сибирского и общерусского вариантов народного календаря Макаренко рассматривает как своего рода проекцию отношений русских сибиряков и их «сородичей (в) метрополии». И если «календарь русского народа Европейской России» выступает у него в качестве «родоначальника» иных его разновидностей, то «простонародный календарь Сибири» расценивается им как «ближайший осколок» или всего лишь «перепев великорус-

ского народного календаря», занесенный в Сибирь «выходцами-славянами из России» [Макаренко, 1913, с. 4, 190].

Довольно существенным в данном контексте представляется вопрос о профессиональной идентификации самого Макаренко-этнографа, который практически никогда не подчеркивал своего украинского происхождения (тогда как в одном только Ачинском уезде, где он прожил почти восемь лет, доля украинских переселенцев, по данным Переписи 1897 г., составляла 5,7 %). Не исключено, что в данном вопросе Макаренко следовал за Г.Н. Потаниным, который полагал, что «все разнохарактерные переселенцы» (в первую очередь, представители славянских народов – великорусы, малороссы, поляки и др.) принимают в Сибири «общий, смешанный тип сибиряка», образуя «новый этнографический тип русского переселенца» [Шиловский, 2019, с. 321]. Сам автор неоднократно высказывал мнение, что современное ему «русское население» Ангарского края, как и везде в Сибири, образовалось из «смешения разных народностей» [Макаренко, 1913, с. 6].

В целом, перефразируя вывод о направлениях развития академического народоведения в Российской империи [Панченко, 2018, с. 123], можно заключить, что относительно коренного сибирского населения Макаренко придерживался «либеральной концепции имперского многообразия», тогда как в отношении славянского населения Сибири – разделял идеи его «унификации/русификации». Наряду с этим, близкое знакомство Макаренко с объектом исследований (со многими своими информантами он находился в дружеских отношениях), длительное проживание среди локальных групп русских сибиряков и деятельное участие в их жизни – все это позволяет говорить о нем как одном из первых отечественных этнографов-фольклористов, сумевших, по словам С.Б. Адоньевой, стать «частью того жизненного мира, того уклада, того порядка практик и отношений, которые он исследовал» [Адоньева, 2019, с. 160]. Именно эти качества обеспечили ученому особое место в истории отечественного народоведения и роль основоположника русской сибирской этнографической школы, о своеобразии которой писал Б.Н. Путилов. Ссылаясь на работы М.К. Азадовского, Г.С. Виноградова, а также публикации в периодическом альманахе «Сибирская живая старина», автор подчеркивал, что комплексный подход к пониманию традиционной культуры, отсутствие искусственных ограничений в предметном поле исследований обусловили цельность и полноту работ сибирских этнографов-фольклористов. Пронизанные «идеями единства народной культуры в основных ее состав-

ляющих», их труды вскрывали «глубинные процессы жизни и творчества» русского крестьянства Сибири [Путилов, 1994, с. 4, 5].

Список литературы

- Адоньева С.Б.** Российская наука о народе: от эволюционизма к феноменологии // Традиционная культура. – 2019. – Т. 20, № 4. – С. 159–172.
- Азадовский М.К.** А.А. Макаренко. К сорокалетию его научно-общественной деятельности. 1887–1927 // Сибирская живая старина. – Иркутск. – 1928. – Вып. 7. – С. 101–114.
- Анучин Д.Н.** О задачах русской этнографии (1889 г.) // Этнографическое обозрение. – 2019. – № 6. – С. 11–28.
- Арзютов Д.В., Кан С.А.** Концепция поля и полевой работы в ранней советской этнографии // Этнографическое обозрение. – 2013. – № 3. – С. 45–68.
- Виноградов Г.С.** Этнография детства и русская народная культура в Сибири. – М.: Восточная литература, 2009. – 896 с.
- Иванова Т.Г.** Алексей Алексеевич Макаренко – революционер, этнограф, фольклорист // Неизвестные страницы русской фольклористики. – М.: Индрик, 2015. – С. 247–275.
- Клиценко Ю.** Об экспедициях А.А. Макаренко к эвенкам Подкаменной Тунгуски // Сибирская заимка. – 2013. – № 6. – С. 8–13.
- Макаренко А.А.** Сибирский народный календарь в этнографическом отношении – Восточная Сибирь, Енисейская губерния // Записки ИРГО по отделению этнографии. – СПб., 1913. – Т. 36. – 292 с.
- Миненко Н.А.** Предисловие // Макаренко А. Сибирский народный календарь. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 3–7.
- Панченко А.Б.** Д.А. Клеменц и производство знания о народах в Российской империи // Этнографическое обозрение. – 2018. – № 2. – С. 122–136.
- Политическая каторга и ссылка.** Биографический справочник членов общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. – М.: Всесоюзное об-во политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934. – 878 с.
- Путилов Б.Н.** Фольклор и народная культура. – СПб.: Наука, 1994. – 238 с.
- Токарев С.А.** История русской этнографии. Дооктябрьский период. – М.: Наука, 1966. – 454 с.
- Федорова В.И.** 155 лет со дня рождения участника народнического движения Алексея Алексеевича Макаренко (1860–1942?), этнографа, сибиреведа, отбывавшего ссылку в Енисейской губернии // Край наш Красноярский: календарь знаменательных и памятных дат на 2015 год. – Красноярск: ГУНБ, 2014. – С. 114–116.
- Шиловский М.В.** Г.Н. Потанин о формировании идентичности русских старожилов Сибири к началу XX века // Этнокультурная идентичность народов Сиби-

ри и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. – С. 320–324.

Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 444 с.

References

Adon'yeva S.B. Rossiyskaya nauka o narode: ot evolyutsii k fenomenologii. *Traditsionnaya kul'tura*, 2019. Vol. 20. N 4. P. 159–172. (In Russ.).

Anuchin D.N. On the Goals of Russian Ethnography. *Etnograficheskoye obozreniye*, 2019. N 6. P. 11–28. (In Russ.).

Arzyutov D.V., Kan S.A. The Concept of the Field and Fieldwork in Early Soviet Ethnography. *Etnograficheskoye obozreniye*, 2013. N 3. P. 45–68. (In Russ.).

Azadovskii M.K. A.A. Makarenko. K sorokaletiyu yego nauchno-obshchestvennoy deyatel'nosti. 1887–1927. In *Sibirskaya zhivaya starina*. Irkutsk. 1928. Iss. 7. P. 101–114. (In Russ.).

Etkind A. Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2014. 444 p. (In Russ.).

Fedorova V.I. 155 let so dnya rozhdeniya uchastnika narodnicheskogo dvizheniya Alekseya Alekseyevicha Makarenko (1860–1942?), etnograf, sibireveda, otbyvavshogo ssylku v Yeniseyskoy gubernii. In *Kray nash Krasnoyarskiy: kalendar' znamenatel'nykh i pamyatnykh dat na 2015 god*. Krasnoyarsk: GUNB, 2014. P. 114–116. (In Russ.).

Ivanova T.G. Aleksey Alekseyevich Makarenko – revolyutsioner, etnograf, fol'klorist. In *Neizvestnyye stranitsy russkoy fol'kloristiki*. Moscow: Indrik, 2015. P. 247–275. (In Russ.).

Klitsenko Yu. Ob ekspeditsiyakh A.A. Makarenko k evenkam Podkamennoy Tunguski. *Sibirskaya zaimka*, 2013. N 6. P. 8–13. (In Russ.).

Makarenko A.A. Sibirskiy narodnyy kalendar' v etnograficheskom otnoshenii – Vostochnaya Sibir', Yeniseyskaya guberniya. In *Zapiski Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii*. St. Petersburg. 1913. Vol. 36. 292 p. (In Russ.).

Minenko N.A. Predisloviye. In *Makarenko A. Sibirskiy narodnyy kalendar'*. Novosibirsk: Nauka, 1993. P. 3–7. (In Russ.).

Panchenko A.B. D.A. Klementz and the Production of Knowledge about Peoples in the Russian Empire. *Etnograficheskoye obozreniye*, 2018. N 2. P. 122–136. (In Russ.).

Politicheskaya katorga i ssylka. Biograficheskiy spravochnik chlenov obshchestv politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev. Moscow: Vsesoyuznoye obshchestvo politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev, 1934. 878 p. (In Russ.).

Putilov B.N. Fol'klor i narodnaya kul'tura. St. Petersburg: Nauka, 1994. 238 p. (In Russ.).

Shilovskii M.V. G.N. Potanin o formirovaniy identichnosti russkikh starozhilov Sibiri k nachalu XX veka. In *Etnokul'turnaya identichnost' narodov Sibiri i sopredel'nykh regionov*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. P. 320–324. (In Russ.).

Tokarev S.A. Istoriya russkoy etnografii. Dooktyabr'skiy period. Moscow: Nauka, 1966. 454 p. (In Russ.).

Vinogradov G.S. Etnografiya detstva i russkaya narodnaya kul'tura v Sibiri. Moscow: Vostochnaya literatura, 2009. 896 p. (In Russ.).

Любимова Г.В. <https://orcid.org/0000-0003-3538-2806>